

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Шестидесятые годы	7
Критика шестидесятых годов	
Глава I. Чернышевский	113
Глава II. Добролюбов	175
Глава III. Писарев	238
Проза шестидесятых годов	
Глава I. Проза шестидесятых годов (общий обзор)	277
Глава II. Тургенев	316
Глава III. Гончаров	400
Глава IV. Писемский	462
Глава V. Чернышевский-романист	484
Глава VI. Помяловский	536
Глава VII. Н. Успенский	562
Глава VIII. Слепцов	579
Глава IX. Решетников	597
Глава X. Левитов	617
Список иллюстраций на отдельных листах	635

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства В. А. Браиловский
Технический редактор Р. А. Аронс
Корректоры М. И. Неровня и К. Н. Феноменов

*

РИСО АН СССР № 5—143В. Подписано к печати 3/1 1956 г. М-11203. Бумага 70×108/16. Бум. л. 197/8. Печ. л. 54.45. Уч.-изд. л. 55.75 + 7 вкл. (0,32 уч.-изд. л.). Тираж 18 000. Зак. № 209. Цена 35 р. 80 к.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

История русской литературы

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

М. П. АЛЕКСЕЕВ, Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ (главный редактор),
В. А. ДЕСНИЦКИЙ, А. А. СУРКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

История русской литературы

ТОМ

VIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА

М. П. АЛЕКСЕЕВ (ответственный редактор),

Б. И. БУРСОВ, М. К. ДОБРЫНИН, Н. И. ПРУЦКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956 ЛЕНИНГРАД

АВТОРЫ ВОСЬМОГО ТОМА (I ЧАСТЬ):

А. И. Батюто (Шестидесятые годы, § 4); Г. А. Бялый (Проза 60-х годов, главы I и II, § 2—5); В. В. Жданов (Критика 60-х годов, глава II); М. К. Клеман (Проза 60-х годов, глава II, § 1); П. И. Лебедев-

Полянский (Критика 60-х годов, глава I); Ш. М. Левин (Шестидесятые годы, § 1—3); Л. М. Лотман (Проза 60-х годов, главы V, VII, IX и X); И. А. Мартынов (Проза 60-х годов, глава IV); Н. К. Пиксанов (Проза 60-х годов, глава III); И. Н. Сергеев (Проза 60-х годов, глава VIII); А. Н. Шишкина (Критика 60-х годов, глава III); И. Г. Ямпольский (Проза 60-х годов, глава VI).

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Русская классическая литература, неразрывно связанная с освободительным движением, росла и развивалась вместе с ним. Основными социально-историческими предпосылками творчества Пушкина явились Отечественная война 1812 года и восстание декабристов. Гоголь, следуя за Пушкиным, значительно обогатил реалистический метод именно потому, что глубоко почувствовал новые потребности времени: как художник, он шел рядом с Белинским, который явился предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в освободительном движении еще при крепостном праве. В 40-е годы выдвигается целая плеяда писателей «натуральной школы». Это последователи Гоголя, воспитанники Белинского. Конфликт между «богатством» и «нищетой» они освещали еще острее, нежели Гоголь. Крестьянский вопрос был и оставался центральным в общественно-политической борьбе в России.

В 50-х годах выступает второе поколение русских революционеров — демократы-разночинцы. Появление революционных демократов на исторической арене свидетельствовало о дальнейшем углублении экономических противоречий, о нарастании в народных массах гнева против своих угнетателей. С другой стороны, деятельность революционных демократов способствовала подъему самосознания народа, общественной активности, подъему всей передовой культуры, тесно связанной с исторической судьбой народа. Уже в «Эстетических отношениях искусства к действительности» и в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский отмечает глубокие сдвиги в русской литературе. И действительно, ряд писателей, начавших свою деятельность еще в 40-х годах, в середине 50-х годов одерживает значительные победы. Это относится к Некрасову, Тургеневу, Салтыкову-Щедрину, Островскому. Начало 50-х годов ознаменовалось выступлением Л. Н. Толстого, которого в середине десятилетия Чернышевский провозглашает великой надеждой русской литературы.

Шестидесятые годы — время могучего расцвета русской литературы, всей русской культуры. Корни этого явления были заложены в самой русской социально-исторической действительности.

Период, условно обозначаемый в литературе как «шестидесятые годы», охватывающий отрезок времени от середины 1850-х и примерно до 1866—1867 годов, был ознаменован крупными сдвигами в историческом развитии России.

Именно 60-м годам принадлежит важная роль в истории ликвидации феодального строя. К 60-м годам относится падение крепостного права, названное В. И. Лениным переворотом, «...последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом...».¹ Этот переворот протекал в обстановке резкого обострения клас-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 439.

совой борьбы, в обстановке, которую В. И. Ленин определил как революционную ситуацию.¹ Назревание ее начинается с середины 50-х годов.

Приблизительно в это же время — в 50-х и на рубеже 60-х годов — и совершается исторический поворот во всем ходе освободительного движения: дворянский его период сменяется разночинским (или буржуазно-демократическим).²

На 60-е годы, таким образом, падают важные исторические события и явления: первый, весьма ответственный этап разночинского периода русского революционного движения; революционная ситуация конца 50-х—начала 60-х годов и совершающаяся в условиях этой революционной ситуации отмена крепостного права.

К уничтожению крепостного права Россию толкал весь ход экономического развития, втягивавший ее на путь капитализма.

В течение ряда десятилетий до реформы 1861 года, начиная со второй половины XVIII века, в недрах феодально-крепостнического строя происходило формирование капиталистического уклада, исподволь разлагавшего феодальный строй. Новые процессы социально-экономической жизни проявлялись как в сферах производства и обмена, так и в классовой структуре общества.

С неумолимой силой происходило разложение крепостнического сельского хозяйства. Разрушалась натурально-хозяйственная система, составлявшая одну из коренных отличительных особенностей феодального строя, развивались товарно-денежные отношения. Резко увеличивавшееся производство помещиками хлеба на продажу, особенно в последнее время существования крепостного права, как отмечает В. И. Ленин, являлось уже «предвестником распада старого режима».³

Расширение помещичьего производства для внутреннего, в первую очередь, и для внешнего рынков вызывало рост помещичьей, барской, запашки и, следовательно, прогрессирующее обезземеливание крестьянства (помещики захватывали земли, бывшие раньше в пользовании крестьян), увеличение числа барщинных дней, вообще всемерное усиление крепостнической эксплуатации. Но это всё более приводило к разорению, к деградации крестьянских хозяйств, минимальная исправность которых являлась между тем необходимым условием существования хозяйства самих помещиков, которое в итоге тоже зачастую попадало в безвыходный тупик. Вместе с тем всестороннее усиление эксплуатации крестьянства (наряду с расширением и интенсификацией барщины неуклонно увеличивались также оброки) влекло за собой обострение народного недовольства, рост крестьянских волнений.

Промышленное производство в тот же период, несмотря на многочисленные и разнообразные препятствия, стоявшие на его пути в связи с существованием крепостного права, увеличивалось от десятилетия к десятилетию. Увеличение это шло путем роста и крестьянской промышленности, и крупных купеческих мануфактур. В начале XIX века, по новейшим подсчетам

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 190.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 158.

исследователей, имелось около 1200 мануфактур (в том числе около 200 горных заводов). Ко второй половине 50-х годов число предприятий выросло приблизительно до 2800. Число рабочих за тот же период возросло примерно с 225 тысяч до 860 тысяч.¹ Из них несколько более полу-миллиона человек приходилось уже на вольнонаемных рабочих, среди которых, впрочем, преобладали не свободные от всякой феодальной зависимости люди, а оброчные помещичьи и государственные крестьяне, приходившие на заработки из деревень в города или промышленные села и здесь нанимавшиеся к предпринимателям.

Ко второй четверти XIX века (30—40-е годы) приурочиваются советскими историками первые признаки «промышленного переворота» в России, который в основном всё же приходится на пореформенное время.

На протяжении всей первой половины XIX века росли обороты внутренней и внешней торговли. Одних ярмарок к началу 30-х годов насчитывалось более 1700, с оборотом в сотни миллионов рублей. Внешнеторговый оборот, составлявший в первое пятилетие XIX века около 128 миллионов рублей в год, в последнее перед реформой пятилетие превышал 430 миллионов. С ростом товарного обращения связано развитие путей сообщения (новые каналы, шоссейные дороги). В 1833—1834 годах на Урале была построена первая русская паровая железная дорога. В 30—40-х годах появились Царскосельская и Варшаво-Венская железные дороги. Большое экономическое и культурное значение имела Николаевская (Петербурго-Московская) железная дорога, открытая в 1851 году.

Показателем происходивших в стране социально-экономических изменений являлся рост удельного веса городского населения — с 4,4% в год Отечественной войны против Наполеона до 7,8% в половине XIX века. В середине 50-х годов число городских жителей составляло 5,7 миллиона человек.² Сельское население составляло попрежнему подавляющую часть жителей России; но признаком времени была усиливающаяся дифференциация крестьянства, из которого чаще прежнего выделялись, с одной стороны, немногочисленные богатеи, занимавшиеся торговлей, заводившие мануфактуры, а с другой — множество обнищавших крестьян, пополнявших кадры складывающегося рабочего класса. Увеличивалась в своей численности и экономически усиливалась городская буржуазия. С середины 30-х до начала 50-х годов число мужских душ купеческого сословия выросло со 123,8 тысячи до 180 тысяч. Сумма купеческих капиталов некоторыми наблюдателями определялась в 50-х годах в полмиллиарда рублей.

Отмеченные явления свидетельствовали об упадке и разложении крепостной системы хозяйства и о возникновении в недрах старого строя новых производительных сил и существенных элементов новых, капиталистических производственных отношений.

Вторую четверть XIX века — время после подавления восстания декабристов — примерно можно считать периодом определившегося уже прямого кризиса феодального строя, хотя именно тогда полицейско-крепостническая диктатура Николая I довела до апогея преследование прогрессивных общественных сил, отстаивавших необходимость немедленной ликвидации отжившего порядка, и всеми средствами пыталась поддержать и упрочить по-

¹ М. Злотников. От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории», 1946, № 11—12 (ср. его же статью в «Каторге и ссылке», 1935, кн. 1). Если считать и очень мелкие промышленные заведения, то рост между 1804 и 1860 годами определится цифрами: 2400 и около 15 000.

² П. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. Госполитиздат, 1950, стр. 79, 80.

следний. В конечном счете все подобные усилия были, разумеется, обречены на провал.

Расширение антикрепостнической борьбы крестьянских масс и поражение николаевской монархии в Крымской войне весьма приблизили окончательный крах крепостного порядка.

Классом, наиболее заинтересованным в скорейшем уничтожении феодально-крепостнического строя, было, конечно, крестьянство, составлявшее, по данным двух «ревизий» (народных переписей), предпринятых в царствование Николая I, около $\frac{4}{5}$ всего населения России, причем половину общего числа крестьян составляли именно крепостные помещичьи крестьяне (другую половину составляли государственные и удельные крестьяне). Накануне крестьянской реформы, по данным десятой переписи, осуществленной в 1858—1859 годах, на 60 миллионов жителей приходилось в Европейской России около $22\frac{1}{2}$ миллионов крепостных людей.¹

Крестьянство никогда не мирилось с помещичьей кабалой, и не раз феодальная монархия потрясалась грандиозными крестьянскими возмущениями, грозившими истреблением всему классу дворян-душевладельцев. «Когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».²

Последние предреформенные десятилетия отмечены непрерывным ростом крестьянских волнений. «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет пред сим», — жаловалось III Отделение в отчете за 1839 год и связывало эту перемену с влиянием на крестьянскую массу всякого различного рода — «подъячих, тысяч мелких чиновников, купечества и выслуживающихся кантонистов», прививающих крестьянству, по словам отчета, «много новых идей», раздувающих в нем искру, которая может «когда-нибудь вспыхнуть».³ Не оспаривая воздействия, уже и в то время, городских демократических элементов на крестьян, необходимо подчеркнуть, что крестьянство непосредственно в окружающей его действительности, в условиях своего собственного существования находило весьма достаточно оснований для всё более энергичного выражения своего недовольства. Частичное (иногда и полное) обезземеление крестьян, принуждение отдавать всё больше времени работе на барском поле, предоставлять помещику всё большую долю стороннего, внеземледельческого заработка, стремление всевозможными средствами интенсифицировать труд крепостных, — всё это влекло за собой разорение и обнищание крестьянства, всё это обостряло стремление крестьян к скорейшему освобождению от крепостного гнета.

Показательны цифры крестьянских волнений в николаевское царствование. По далеко не полным данным, известным до сих пор, за 1826—

¹ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, стр. 49.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 384.

³ Е. А. Мороховец. Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. I. М., 1931, стр. 31.

1854 годы имело место не менее 712 волнений, и почти половина из них (348) приходится лишь на одно последнее десятилетие этого царствования (1845—1854).¹

Грозный характер крестьянское движение приняло во время Крымской войны. Война значительно обострила бедствия народа. Вместе с тем политические события, связанные с войной, возбуждающе действовали на сознание народных масс. Ожидание воли стало еще более напряженным. Достаточно было того или иного повода, того или иного случайного толчка для возникновения массовых волнений, для предъявления крестьянами, как признавали современники, «старинных притязаний на освобождение».

В 1854 году поводом для волнений явился указ Николая I о наборе в морское ополчение. Этот указ вызвал широкое брожение в ряде северо-западных и центральных губерний; среди крестьян упорно держался слух, что зачисление крепостных в ополчение возможно без согласия помещиков и что оно принесет полное освобождение от крепостной зависимости и самим ополченцам, и их семьям; рассчитывали также на освобождение от платежа податей, на избавление от рекрутства для нескольких поколений.² Целыми толпами бежали крестьяне из помещичьих имений в Москву и другие центры, преодолевая всяческие препятствия, чинимые им властями, и настаивали на записи в ополчение.

Едва справившись с этой волной крестьянского движения, правительство столкнулось с новыми, еще значительно более серьезными волнениями по поводу январского (1855 года) манифеста о сборе общегосударственного ополчения. На этот раз главным центром движения стала Киевская губерния, где между крестьянами распространилось убеждение, что освобождение уже состоялось, что существует скрываемый попами и панам указ, «выводной лист», перечисляющий всех крестьян в казаки, с полным их избавлением от всяких повинностей по отношению к помещикам. Крестьяне рассчитывали не только на личное освобождение, но и на переход к ним земли. Отказываясь повиноваться местным полицейским властям, крестьяне устанавливали самоуправление — «громаду» («временное правительство», по определению свидетеля, участника усмирения волнений, небезызвестного в будущем С. С. Громеки³). Ряд воинских частей был направлен правительством для подавления движения киевских крестьян.

Волнения в связи с призывом общегосударственного ополчения происходили в 1855 году и в великорусских губерниях — Воронежской и других. Огнем и мечом старалось правительство только что вступившего на престол Александра II рассеять у крестьян иллюзию о «дарованной» уже свободе. Толки о воле не прекращались, и в 1856 году крепостные крестьяне из южных губерний массами направлялись «самовольно» на Крымский полуостров, движимые слухами о том, что там ожидает их свобода.

Ссылаясь на волнения крестьян в период Крымской войны, как и в предшествующие годы, К. Кавелин в записке по крестьянскому вопросу (1855—1856) убеждал «самых близоруких и ослепленных» крепостников, что «народ сильно тяготится крепостною зависимою, и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться

¹ И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3-е, Л., 1925, стр. 331.

² Я. И. Линков. Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856 гг. М., 1940, стр. 28 и сл.

³ С. Громека. Киевские волнения в 1855 году. «Отечественные записки», 1863, т. 147, № 4, стр. 692.

пожар, которого последствия трудно предвидеть».¹ Говоря это, Кавелин лишь выражал мнение, очень широко распространенное под впечатлением крестьянских возмущений тех лет.

Усилив и обострив крестьянскую борьбу за волю, Крымская война этим самым ускорила падение крепостного строя в России. Но влияние ее на ход событий внутри страны сказалось не только с этой стороны. Крымская война дезорганизовала в той или иной степени лагерь сторонников и защитников старого режима, помогла распространению в обществе оппозиционных настроений, создала обстановку, благоприятствовавшую росту и оформлению революционно-демократических элементов.

При возникновении внешних осложнений, приведших затем к войне против англо-франко-турецкой коалиции, значительная часть общества была расположена верить в военное превосходство России Николая I и в неминуемость ее победы над врагами. Лишь в наиболее мыслящей и критически настроенной части общества не разделяли уверенности в николаевском «всемогуществе» и предвидели или, по крайней мере, предчувствовали, что режим, основанный на беспримерном насилии и угнетении, намеренно тормозящий народное развитие, может или даже должен оказаться бессильным во внешней борьбе. Так, в речи, произнесенной в Лондоне в конце 1853 года на собрании по поводу годовщины польского восстания 1830—1831 годов, А. И. Герцен заявил: «...Россия сильна, но императорская власть, так, как она сложилась, не может вызвать этой силы. Она выродилась и негодна больше».² Совсем немного времени потребовалось для того, чтобы вся страна стала осознавать пророческий характер предостерегающих голосов: «Все стали догадываться, — как писал потом Герцен, — что только обшивка была гранитная, а внутри щебень» (XVI, 189).

Прежде всего потерпела крах вся система дипломатических отношений, долгие годы настойчиво поддерживаемая правительством Николая I. Ставка на союз с Австрией и Пруссией не дала ожидаемых результатов. Восставив против себя передовые круги Европы жандармской ролью в 1848—1849 годах, особенно подавлением венгерской революции, Николай, как оказалось, не купил этим поддержки реакционных правительств, в том числе спасенного им австрийского правительства Франца-Иосифа, которое заняло в Крымскую войну позицию, недружелюбную в отношении России, и повлияло на неблагоприятный для нее исход борьбы.

Основной и важнейшей причиной поражения николаевской монархии была экономическая отсталость крепостной России, отнюдь не поспевавшей за хозяйственным ростом передовых капиталистических государств, и гнилость административного механизма страны. Ленин указывал, что Крымская война «показала гнилость и бессилие крепостной России».³

Несмотря на исключительное мужество и героизм русских войск, сказавшиеся с такой силой во время беспримерной обороны Севастополя, военная машина царской России оказалась недостаточно приспособленной к новым условиям войны, сложившимся к середине XIX века.

¹ К. Д. Кавелин, Собрание сочинений, т. II, СПб., 1898, стб. 33.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. VII, Пгр., 1919, стр. 397. В дальнейшем цитируется это издание (тт. I—XXII, 1919—1925).

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.

Вооружение армии было устарелое и потому негодное. «... Вооружение солдата, так же как и его обучение, было рассчитано на парадоспособность войск, а не на боевую их подготовку».¹ Снабжение армии и подвоз резервов тормозились отсутствием путей сообщения (отмеченный выше некоторый прогресс в строительстве путей в предреформенной России был все-таки ничтожен сравнительно с потребностями государства). Отряды ополчения, прежде чем достигнуть места назначения, теряли иногда до половины своего состава. Болезни уносили больше жертв, чем боевые действия на фронте. Неумелость и ошибки верховного командования (Меншиков, Горчаков), громадные хищения во всех звеньях государственного аппарата вызывали недовольство в обществе.

Те, кто раньше верил в несокрушимую военную мощь империи, были жестоко разочарованы ходом войны. Предвидевшие возможность или даже неизбежность военных неудач нашли подтверждение своим взглядам и еще более укрепились в своем враждебном отношении к существующему порядку. Ореол силы и непобедимости николаевской империи стал быстро рассеиваться. Столь же быстро нарастали протестующие настроения, смелее и решительнее стала критика язв и пороков феодально-крепостнического режима. Симптоматичным было то, что в роли «обличителей» стали подвизаться даже такие апологеты существующего порядка, как М. П. Погодин, из-под пера которого вышла в годы Крымской войны столь нашумевшая серия «Политических писем», где с верноподданнических позиций подвергались критической оценке некоторые стороны внутренней и внешней политики и изыскивались пути и средства для спасения положения монархии. Ожесточение и тревога, всё сильнее охватывавшие значительные круги дворянской общественности, ярко отражены во многих дневниках, воспоминаниях, в переписке современников, а также в получившей большое распространение рукописной публицистической литературе.

Летом 1854 года, еще до высадки вражеских войск в Крым, Ф. И. Тютчев писал (в частном, разумеется, письме): «Положение становится с каждым днем всё более угрожающим... Минится, будто находишься внутри кареты, которая катится по всё более наклонной плоскости, и вдруг замечает, что на козлах нет кучера». Несколько позднее Тютчев писал: «...эта невероятная и шутовская нелепица должна скоро кончиться... нельзя... не предвидеть переворота, который сметет всю эту гниль и подлость».²

Военные и дипломатические поражения, производя тяжелое впечатление на общество и вызывая в нем тревогу за будущее, одновременно учитывались, особенно в среде наиболее последовательных и непримиримых противников существующего порядка, в качестве фактора, который может и должен способствовать внутреннему обновлению и оздоровлению России. Распространение пораженческих настроений явилось, таким образом, одной из характерных черт внутреннего положения России в годы Крымской войны. Пораженцы встречались тогда даже в среде более или менее умеренных, либеральных общественных элементов. Известно признание историка С. М. Соловьева: «...с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России; с другой, мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение...».³

¹ П. П. Семенов Тянь-Шанский. Мемуары, т. I, Пгр., 1917, стр. 249.

² «Старина и новизна», кн. 19, Пгр., 1915, стр. 207, 227.

³ С. М. Соловьев. Записки. Пгр., 6. г., стр. 150.

Вполне сознательное пораженчество, продиктованное патриотическо-революционными мотивами, было свойственно представителям складывавшегося в этот период разночинного революционно-демократического лагеря. Революционными пораженцами были в годы Крымской войны Н. Г. Чернышевский и только еще вступающий на поприще общественно-литературной деятельности (пока в качестве автора юношеских стихов и руководителя студенческой газеты) Н. А. Добролюбов. В отличие от либералов, Чернышевский и Добролюбов рассчитывали не на уступчивость и половинчатые «реформы» потрясенного внешними неудачами самодержавия, а на могучее революционное движение трудящегося народа, который, «сорвав свои оковы», встанет перед миром «вольным мужем жизни новой».¹

Когда в августе 1855 года, после 11-месячной героической борьбы, пал Севастополь, это было внутри страны воспринято как показатель негодности существующего режима, как обличение «всей гнили правительственной системы».

Еще до падения Севастополя, в феврале 1855 года, умер Николай I (многие были вполне убеждены в том, что он покончил с собой). Смерть царя, в течение целых тридцати лет душившего и давившего всё живое и прогрессивное в стране, вызвала чувство облегчения в широких общественных кругах.

«Надо было жить в то время, — рассказывает в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов, — чтобы понять ликующий восторг „новых людей“, точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень...».²

Правда, преемник Николая — Александр II вовсе не отличался склонностью к «либерализму» и, в частности, был раньше известен как противник отмены крепостного права. Но обстановка его вступления на престол не позволила ему целиком и полностью следовать обанкротившейся системе отца, который сам перед смертью признался своему наследнику, что сдает ему «команду» «не в таком порядке, как желал», оставляя «много трудов и забот».

Надо было подумать об ослаблении общественного возбуждения и недовольства, и правительство вынуждено было отпустить слегка вожжи. Наступившую полосу внутренней политики Тютчев назвал довольно метко «оттепелью». Немного легче стало работать университетам, в известной мере (очень ограниченной) был смягчен тяготевший над печатью и литературой цензурно-полицейский гнет, были удалены отдельные ненавистные обществу деятели николаевского царствования (но подавляющее их большинство сохранило свое положение), позднее была проведена политическая амнистия, тоже весьма неполная. «Послабления» чередовались с открыто реакционными действиями. Современники, даже столь лояльные к власти, как славнофилы, сомневались и тревожились: что же последует за «оттепелью»? «Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная, и потом опять всё закует мороз, то еще тяжелее покажется».³

Главную опасность правительство, во главе с Александром II, усматривало все-таки не в «образованном обществе», с его очень трусливой, непоследовательной, слабой оппозицией, а в положении и настроении народа. Само либеральное общество в этом отношении беспокоилось не меньше

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1939, стр. 227. В дальнейшем цитируется это издание (тт. I—VI, Гослитиздат, 1934—1941).

² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. ГИЗ, М.—Пг., 1923, стр. 26.

³ В. С. Аксакова. Дневник. СПб., 1913, стр. 102.

правительства, одинаково с последним боялось народного возмущения и думало о средствах к предотвращению крестьянской революции. К. Д. Кавелин, о котором впоследствии Ленин писал, как об одном «из отвратительнейших типов либерального хамства»,¹ подчеркивал в самом начале нового царствования: «...из всех вопросов, — вопрос, из всех зол, — зло, из всех несчастий наших, — несчастье есть крепостное право... Только в этом горестном крепостном праве я и вижу возможность восстаний и насильственных переворотов».²

Когда в марте 1856 года Александр II впервые высказал московским дворянам свое намерение приступить «рано или поздно» к разрешению крестьянского вопроса, он, как известно, подчеркнул ту же сторону дела — опасность решения его «снизу», опасность народной революции.

При всем том не сразу после смерти Николая I, не сразу даже по окончании войны был прямо поставлен вопрос о «крестьянской реформе». Дело в том, что крепостническое поместное сословие в России, как указывает В. И. Ленин, было «гораздо более „крепким“, твердым, могучим, всесильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире“»; «с величайшим сопротивлением уступало оно частички своих привилегий».³ Александр II сам проявлял нерешительность и колебания, да к тому же очень считался с окружающей его средой высшего дворянства, помещичье-сановной аристократии. «Нет даже начала освобождения крестьян, — этой первой азбуки гражданского развития», — негодуяще писал Герцен в октябре 1856 года в предисловии ко второму изданию своей «Крещеной собственности» (VII, 264). Тогда же А. К. Толстой, в частной переписке, выражал крайнее недовольство тем, что правительство «секретничает» и медлит. «Вопрос, — писал он, — стоит вовсе не так..., как решить лучше?.. — а как решить скорее?.. кончится тем, что нас перережут», — восклицал Толстой.⁴

Лишь в январе 1857 года открыл свои занятия вновь учрежденный «Секретный комитет» по крестьянскому делу. Состоя в большинстве своем из ультракрепостников, он намеренно топтался на месте; планы, вынашивавшиеся членами комитета, были рассчитаны на то, чтобы изменить существующий крепостной порядок через десятки лет.

Подготовка реформы сдвинулась с мертвой точки в конце 1857 года, когда появились царские рескрипты на имя виленского и петербургского генерал-губернаторов. Ими предусматривалось учреждение в трех западных и в Петербургской губерниях дворянских комитетов для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян»; в сопроводительном отношении министра внутренних дел Ланского пояснялось, что речь идет об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Общие основания реформы, содержащиеся в рескриптах и дополнениях к ним Ланского, свидетельствовали, однако, о том, сколь призрачный характер должно было иметь это «освобождение». Правительство объявляло, что «уничтожение крепостной зависимости должно быть совершено не вдруг, а постепенно». В связи с этим проектировалось для крестьян «переходное состояние» (сроком до двенадцати лет), в течение которого они оставались «более или менее крепки земле». Правительство исходило из положения, что «помещикам сохраняется право собственности на всю землю», крестьянам же предоставляется часть ее только в пользование, и за это они должны платить

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 13.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV. СПб., 1900. стр. 213, 215 (письмо к М. П. Погодину от 30 января 1856 года).

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 554.

⁴ «Литературный вестник», 1903, т. VI, кн. 6, стр. 120.